

ИТАЛИЯ В ПИСЬМАХ ЧЕРНЫШЕВСКОГО
(К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНОЛОГИИ НЕПРЯМОГО ГОВОРЕНИЯ)

Татьяна Печерская

Итальянская тема возникает лишь однажды в сибирских письмах Н.Г. Чернышевского, адресованных жене. С 1873 по 1877 год почти в каждом письме из Виллюйска, за редким исключением, Чернышевский советует жене, просит ее поехать в Италию на холодный период времени для “поправки здоровья”. Географический ландшафт вполне устойчив и определен: Южная Италия, Сицилия. Выбор всецело мотивирован теплым климатом: “Важнейшая причина твоего нездоровья – зимний холод, дурная погода весной и осенью. Единственное серьезное лекарство против этого – жить в климате, где нет ни холода, ни сырости. Самая близкая к России страна такого климата, какой необходим тебе, – Южная Италия, и в особенности Сицилия” (XV, 6: 23 янв. 1877)¹. Тематический ландшафт оформлен в интеллектуальном научно-популярном стиле, очень характерном для Чернышевского. В каждом письме подробно и методично объясняются преимущества южного климата, приводятся медицинские сведения о климатолечении, даются экскурсы в историю Италии, описываются быт и нравы южных итальянцев.

Каков же образ Италии должный убедить Ольгу Сократовну в необходимости переезда? Приведем несколько основных положений, на основании которых формируется представление об Италии.

Италия дешева для проживания:

---

¹ Н. Г. Чернышевский, *Полное собрание сочинений* в 15 томах, Москва, Художественная литература, 1950 (далее в скобках дается указание тома и страницы, а также приводится дата написания письма).

Доехать до Италии не очень дорого; а жизнь там дешевле, чем в России (XIV, 561: 25 апреля 1874); Италия – одна из самых дешевых стран ее [Европы – *Т.П.*]; гораздо дешевле не только Франции или Англии, но и Германии. [...] А доехать до Южной Италии дорого ли? – Это лишь на двадцать или, много, на тридцать рублей дороже, чем съездить из Петербурга в Саратов [...] (XIV, 573: 15 января 1875).

Итальянский язык очень легко выучить:

Но ты не знаешь итальянского языка? – Поживши с ними два месяца, будешь уметь (XIV, 565: 2 февраля 1875); Итальянский язык ничего не значит: в две недели будешь говорить порядочно; по крайней мере, достаточно, чтобы весело было болтать с тем народишком, самым пустейшим и самым милейшим в целой Европе; особенно в Южной Италии и Сицилии [...] (XIV, 587: 8 марта 1875).

Южные итальянцы – это по сути младенческий народ, живущий патриархально:

[...] Это очень добрый народ, южные итальянцы; их считают разбойниками; бывает; но не по злему умыслу, а по младенчеству; как ласточки, заклеивают друг друга, – и греха им нет. Удивительный народец; весело смотреть на их беззаботность. Слухам о разбоях не верь; это или сказки, или раздувание мухи в слона, по расчетам разных интриг; на самом деле, даже и в Сицилии очень смиренно и тихо (XIV, 587: 8 марта 1875).

[...] Они хоть и темные невежды, деликатны в обращении с людьми, которые не обижают их своим тщеславием. Французы, немцы, англичане через меру чванятся перед ними. [...] Безграмотны итальянцы, – в особенности южные, – это так. Но природного ума и житейской опытности у них не меньше, чем у кого бы то ни было; стало быть, хоть они и безграмотные, разговаривать с ними можно без скуки. Тем больше, что охота говорить у них неистощимая; и меньше говорить у них столько, сколько нет и у самих французов (XIV, 665: 21 июля 1876).

[Сицилия – *Т.П.*] [...] имеет характер деревенской – грубоватости, но и простоты. Даже и Палермо, хоть огромный и великолепный город, совершенно деревня по нравам жителей. Я полагаю, что Палермо может с успехом заменить для русской души любую самую маленькую и глухую Ивановку или Сосновку. Я полагаю, что хоть в огромном городе и не может не быть множества воров, но в Палермо замков нет; а если у кого и был когда куплен замок, или пружина испорчена, или ключ затеряли, игравши, ребятишки, – и замок лежит, в качестве украшения, на парадной этажерке. А воры как же? – По русскому деревенскому обычаю, воровать не умеют; да и не нужно: бродят по улицам и тащят домой, что валяется на улице. Презабавное оно, это Палермо. И попробуй: увидишь, славно в нем жить. То есть не в нем самом, а подле, на даче (XIV: 664-665: 21 июля 1876).

В Италии можно обойтись и без итальянского языка, поскольку почти все говорят по-французски или по-русски:

А на первое время, – везде в Италии и в Сицилии множество французов и всяческих других иностранцев, говорящих по-французски. Да и между самими итальянцами французский язык распространен больше, чем у русских [...]. Но это о Южной Италии и Сицилии. А если не хочешь испытать разлуки с русским разговором, то в Средней и Северной Италии везде столько русских, сколько может желать самая русская душа; чуть ли даже не больше, чем столько. – Во Флоренции, например, целые тысячи русских. Около Лаго-Маджоре тоже. В Ницце (нужды нет, что это ныне французский город: климат в нем уж итальянский) такое множество русских, что, надобно полагать, туземцы уж начали забывать говорить на своем языке (которого у них и не было никакого: не то они французы были по языку, не то итальянцы, – до присоединения Ниццы к Франции), – вероятно, говорю я, начали они уж говорить по-русски (XIV, 663: 15 сентября 1876).

По-разному решительно и смело Чернышевский высказывает ряд замечаний по поводу светского времяпровождения. В проведении балов отдает явное предпочтение цивилизованным странам Европы, к которым Италия ближе, чем Россия:

Извини, если я несколько оскорблю твою привязанность к родной старине и родной нации. Русские – хорошие люди [...]. Но они еще недавно стали цивилизоваться, и в их обычаях еще много осталось такого, от чего стараются они отвыкнуть, но не все успевают отвыкнуть. Я говорю о чопорности, о неумении проводить время приятно для самих себя и для других. Русские балы – это, по отзывам иноземцев, не балы, а выставки нарядов; так бывало везде триста лет тому назад, так отчасти остается у нас и теперь. Когда не бал, а просто собирается много людей провести вместе вечер в чем-нибудь салоне, хозяйка и хозяин не умеют занимать гостей, гости не умеют вести между собой разговор: все натянуто, неловко, утомительно. [...] Или возьмем театры. [...] Публика других стран собирается в театр не для слушания спектакля, а для щегольства нарядами. – Что в многолюдных собраниях, то и в свиданиях между знакомыми: церемонии, чванство, и потому – утомленье, скука. [...] Но чем старше нация и цивилизация, тем меньше осталось у нее церемонной скуки. И общество итальянцев, французов, даже немцев менее утомительно, более простодушно, чем русское. [...] К чему все это? А все к тому же, о чем я постоянно прошу тебя: тебе надобно проводить зимы в Италии. Значительная часть твоего нездоровья происходит от утомления обществом. В итальянском обществе ты будешь отдыхать от скучности русского (XIV, 673-674: 15 сентября 1876).

Все приведенные аргументы имеют скорее вспомогательное значение, поскольку основная (и в количественном смысле подавляющая)

часть доводов строится на медицинской теории климатолечения. Чернышевский переводит для Ольги Сократовны и ее врача статьи немецкого медика Поля Нимейера. Статьи приводятся в тех фрагментах, которые могут показаться наиболее убедительными, большая часть данных пересказывается, обширно комментируется самим Чернышевским. Комментарий – как правило – носит критический и прямо полемический характер. Основное недовольство Чернышевского вызвано тем, что теорию климатолечения разрабатывали ученые Франции, Германии, Англии, где холодный климат, а потому “из хвастовства” и “вопреки научным данным” они утверждают, что холодный климат полезнее. Вот, например, образец комментария и полемической манеры пересказа:

Но – читаешь статью, и видишь: в сущности, автор сам не понимает, о чем толкует. [...] А по мнению автора статьи, следует: у них в Берлине или Лейпциге зимой не хуже, чем в Ницце [...] Далее следует: Италию выдумали англичане. Это уж такой непосестный народ. Любят таскаться по чужим землям. А для нас, немцев, это вовсе не такая приятность, таскаться по чужим краям. – Это наука! Это медицинское рассуждение! – Дальше: да и климат-то родины у англичан туманный. Его так и называют ‘пасмурный’. А у нас, у немцев, – и пошла история, что климат Германии лучше английского. [...] И все-таки по его мнению, Италия выдумана лишь англичанами, по пасмурности климата и по их неусидчивости (XV, 41-43: 23 апреля 1877).

Они [ученые – Т.П.] слышали от своих нянек, дядек, своих школьных товарищей, что мороз укрепляет силы немецких кулаков; как же, не так? – Полторы тысячи лет немцы ходили грабить Италию, всех там били и душили. Это почему? – У итальянцев теплый климат, они и расслаблены; у немцев – много холоднее, они и крепче. Как же нет? – Огурец в тепле – дряблый, а на холоде – крепкий. То же и с яблоком, и с картофелем. Подобные невежественные понятия существуют и у русского простонародья, и по глупости, повторяют их тоже грамотные люди. Помнишь стихи для ребятешек:

Хоть весною и тепленько,
А зимою холодненько,
Но и в стуже
Нам не хуже:
В зимний холод
Всякий молод.

Это плохие стихи. Но есть у нас и прекрасные, в том же вкусе; например, у Пушкина, в числе особенных достоинств Петербурга, выставляется зимний холод:

Люблю зимы твоей жестокой
 Недвижный воздух и мороз,
 Бег санок вдоль Невы широкой,
 Девичьи лица ярче роз.

Из этого само собою следует, – не помню, у Пушкина ли, или у Вяземского:

Полезен русскому здоровью
 Наш освежительный мороз.²

Это отголоски простонародного мнения. Но простонародье лечит болезни – и у немцев, как у нас, – нашептыванием на воду; надобно полагать, что его медицинские понятия не чрезмерно хороши, не чрезмерно умны и полезны (XV, 56-57: 24 мая 1877).

Чернышевский приводит обширные сведения из истории Европы, привлекает данные из естественных наук (излагается состав пота, вред от ношения теплой одежды, от избыточного количества пищи в холодное время, что связано с “прибавочным расходом тепла” и т.д.). И, конечно, литературные примеры занимают в числе доводов не последнее место:

Читала ль ты, мой друг, *Декамерон* Боккачио? – Это сборник повестей и анекдотов. Половина их очень пошлы, грубы, грязны. Как быть! – обычаи тех времен были грубоваты. Но было и тогда много честного и умного в чувствах и мыслях людей. И есть в *Декамероне* рассказы чистые от грязи, прекрасные. Но речь моя не о том, я хочу лишь напомнить тебе сущность рассказа, который служит рамкою, охватывающею все другие рассказы. Во Флоренции чума. Несколько дам и мужчин, родных или очень дружных, собрались потолковать, как спастись от этой гибели: свои обязанности помогать страждущим они исполнили, имеют право подумать и о самих себе. Они говорят: чума свирепствует лишь там, где большое скопление людей. Уедем в сельскую местность, где чистый воздух, и останемся живы и здоровы (XV, 58-59: 24 мая 1877).

Дискредитация пользы теплого климата, кроме прочего, объясняется развращенностью общественных нравов:

В Германии, как и у нас, бессовестные или слабохарактерные медики злоупотребляли учением о пользе теплого климата. Всякий развратник, всякая пустая женщина, желая побесчинствовать на приволье вдали от знакомых, говорили медику: “скажем, что мы больны, и вы предпишите нам ехать в Ита-

---

² Неточная цитата: в стихотворении Пушкина *Как быстро в поле...*: Полезен русскому здоровью // Наш укрепительный мороз....

лию”. И он объявлял здоровых людей больными, и они отправлялись бесчинствовать в Италию. Общество возмущалось этою пошлостью. Медики, уважающие себя, начали, под ободрением со стороны общества, ратовать против такого унижения науки, такого стыда всему медицинскому сословию. Мотив был благороден. Но из него выросла односторонняя теория: теплый климат – это пустяки (XV, 39: 23 апреля 1877).

Завершая экспликацию итальянкой темы, необходимо напомнить, что Чернышевский никогда не бывал в Италии и Европе,³ а Ольга Сократовна и не собиралась туда ехать, предпочитая Италии Крым и Кавказ, где она часто проводила холодное время года. Можно сказать, что “итальянский сюжет” виртуален во всех отношениях. На первый взгляд, он целенаправлен до наивности и семантически буквален. Именно это его качество обнаруживает признаки *опосредованности*, составляющей ядро феноменологии непрямого высказывания. Расхождение семантики высказывания и смысла высказывания, их неизоморфность, или ассиметричность, если использовать сходные в этом контексте феноменологические понятия, и порождает недоверие, ощущение интенциональной напряженности диалога, в котором Чернышевский говорит нечто очень важное для него, нечто такое, что иным способом высказать невозможно (и не по соображениям внешней цензуры, а по ограничениям внутренней автоцензуры).

Надо заметить, что переписка с Ольгой Сократовной велась по определенным правилам. Характер переписки лаконично и нейтрально сформулировал сам Чернышевский в письме А.Н. Пыпину, двоюродному брату, на попечении которого оставалась семья Чернышевского с момента ареста. Выражая сожаление, что так долго не знал о важных переменах, произошедших в семье брата, Чернышевский поясняет: “Оленька ровно ни о чем, кроме себя не пишет. Я всегда только тоже о ней и о детях” (XV, 136: 25 февраля 1877). Судя по письмам и воспоминаниям родных, Ольга Сократовна всегда отчаянно жаловалась на здоровье, но серьезно больной никогда не была. “Плохое здоровье”, скорее, психологическая тема, нежели собственно медицинская. Как следует из писем Чернышевского, жена постоянно сетовала на плохое состояние здоровья, и Чернышевский столь же постоянно

---

³ Исключение составляет поездка Чернышевского к Герцену в Лондон через Европу (1859 г.), занявшая чуть больше недели.

развивал в письмах проекты, направленные на изменение этого состояния. Центральным проектом в указанные годы была Италия. По сути тема здоровья ‘прикрывала’ совершенно другие темы, что ясно понимали оба корреспондента. В письмах Е.Н. и А.Н. Пыпиным Чернышевский выражает вполне прямо свое отношение к состоянию семейных дел, связанных с его женой. Так, Е.Н. Пыпиной он отвечает:

Ты говоришь: “главная причина болезни [раздраженность, расстройство нервов – *Т.П.*] – нравственная, а не физическая”. Да. [...] Сущность всего дела о здоровье это моя непригодность зарабатывать деньги (XV, 75: 19 июля 1877).

С братом он изъясняется еще более откровенно:

Теперь, я полагал, думать о втором ее замужестве поздно.⁴ Будь она совершенно здорова, было бы не поздно. Справься, скольких лет была Нинона дель-Анкло, когда стрелялись и зарезывались и отравлялись ядом из-за нее. Лета, мой милый, не так рано проходят, как пишется в романах. [...] Да и что замужество? – Собственно, не в том важность, чтобы не носить мою фамилию. Однофамильцы у меня есть; я полагаю, никому из них не было бы никакого неудобства от пустых звуков фамилии. Дело лишь в том, чтобы не иметь расположения ко мне. Тогда можно жить хорошо, как требует здоровье [...]. А Ольга Сократовна, чтобы она не раздражалась, ей нужно много тысяч рублей в год. А раздражаться – вред здоровью (XIV, 590: 8 марта 1875).

Чернышевский действительно предпринимал безуспешные попытки заработать на содержание семьи привычным литературным трудом. В этом контексте “итальянский сюжет” занимает в беллетристике Чернышевского существенное место. В *Книге Эрато*, *Академии Лазурных гор*, *Рассказах из Белого зала* Италия с ее красотами и “италианочками”, которые так образованы, “как вот у нас только графини разве”, как сказал бы гоголевский Жевакин, вполне традиционна и условна, а для культурного сознания 1870-х гг. безнадежно архаична. Для воссоздания этой Италии вовсе не нужно выезжать на место действия: блестящее высшее общество ведет просвещенные беседы, роскошь дворцов и садов, роскошь природы.⁵ Справедливости ра-

---

⁴ В 1866 г. Ольга Сократовна с сыном Михаилом приезжала к Чернышевскому в Кадаю. В это свидание Чернышевский просил жену “выйти за кого-нибудь замуж”. Ольга Сократовна отвечала решительным отказом, и тогда Чернышевский на целый год прервал переписку, пытаясь таким образом склонить ее к нужному решению.

⁵ Напомним, что во второй половине 1850-х гг. для общественного сознания акту-

ди заметим, что графоманская беллетристика, производством которой был всецело поглощен Чернышевский в ссылке, накладывала свою печать не только на итальянский материал.

Интересно, что Италия как культурный текст в письмах к Ольге Сократовне совершенно отсутствует. О литературных планах, развитии итальянских сюжетов в письмах к ней он не упоминает никогда. Целенаправленная семантическая фокусировка абриса Италии для Ольги Сократовны всецело определяется сетованиями, характер которых нетрудно восстановить из мемуарного и эпистолярного контекста. Жалуясь на родственников Чернышевского, Пыпиных, Ольга Сократовна воспроизводит их “нападки” и “насмешки”. Первые связаны с обвинением невестки в ветрености, склонности к разъездам, транжирству, вторые – с ограниченностью умственных интересов, необразованностью. Исходя из оправданий Ольги Сократовны, а также ее самоописания, Чернышевский выстраивает образ Италии: провинциальное захолустье, населенное необразованными и простодушными итальянцами, дешевая жизнь и т.д. По сути Чернышевский доводит картину до абсурда, но Ольга Сократовна, не склонная к изучению иностранных языков, к тому же, по ее заверениям, любящая уединение, все русское, простые нравы и т.д. ничем не будет ущемлена в той Италии, куда ее уговаривает поехать Чернышевский. Во всяком случае, ей нечего возразить на доводы Чернышевского, поскольку они зеркально отражают ее заверения насчет собственных предпочтений. Разумеется, картина Италии, обрисованная Чернышевским, в реаль-

---

альна была другая Италия – Италия Гарибальди. Редкий номер журнала “Современник”, в котором сотрудничал Чернышевский, не содержал общественно-политическую статью “по итальянскому вопросу”. В ссылке Чернышевский встречался с несколькими поколениями революционных деятелей, в том числе, с итальянцами. Он признавался Короленко: “Знаете ли: попал я в Акатуе в среду ссыльных за революционные дела... Кого там только не было: поляки, мечтавшие о восстановлении своей Речи Посполитой, итальянцы-гарибальдийцы, приехавшие помогать полякам, наши каракозовцы! [...] Оглянулся я на себя и говорю: ах, старый дурак, куда тебя занесло. Ну и стыдно стало” (В. Н. Короленко, *Воспоминания о Чернышевском // Чернышевский в воспоминаниях современников* в 2 томах, Саратов, 1958, т. 1, с. 203).

ности не могла быть привлекательна для Ольги Сократовны, женщины живой, общительной, ценящей светское времяпровождение. Но о реальности речь и не шла – ни для одного, ни для другого. Гораздо более ценной для обоих была реальность не житейская, бытовая, а психологическая.

В письмах воссоздавалась не только Италия для Ольги Сократовны, это была Италия, ‘сквозь’ которую Чернышевский пытался рассказать и о своей жизни. В письмах жене Чернышевский описывает ее во всех подробностях. По его выражению, это жизнь “помещика средней руки”: добротный стол (овощи, мясо, рыба), прогулки, чтение, комфортное уединение и т.д. Это не менее беллетризованный и столь же виртуальный сюжет, параллельный итальянскому. Но итальянский сюжет обладал тем ресурсом, которого был лишен сибирский. Как ни парадоксально, сквозь него можно было рассказать о себе много реального. Еще раз вернемся к обширной теме климатолечения. Описывая пользу теплого климата, какой есть только в южной Италии, Чернышевский приводит множество аргументов против лженаучных идей о пользе холодного климата. Если мы воспроизведем эти аргументы, то в сущности получим картину жизни в Сибири самого Чернышевского:

[...] все долговременные расстройства здоровья имеют основную своей причиной климат и свойственный климату нездоровый образ жизни; в частности: холод, сырость, затхлость комнатного воздуха (XV, 12: 8 марта 1877).

Холод вреден здоровью. Сырость вредна здоровью. Комнатный воздух всегда менее хорош, чем воздух открытого пространства. Теплота от печей – теплота дурного качества. Хороша лишь теплота от солнца. Одежда тем менее вредна здоровью, чем она просторнее и легче. Всякая плотная, тяжелая (теплая) одежда очень вредна здоровью (XV, 72: 7 июля 1877).

Выписок из научных статей, суждений, касающихся вреда и последствий холодного климата, можно привести очень много. Их гораздо больше, чем выписок относительно пользы итальянского климата. Отменное здоровье, о котором писал Чернышевский в каждом письме жене, разумеется, было фикцией. Условия ссылки губительно сказывались на его состоянии. Чернышевский не доверял местным врачам, выписывал большое количество медицинских справочников и ‘лечебников’, медицинских препаратов. Но все это тоже оставалось за границами общения с женой. По негласному правилу больна была

именно она, ее состояние здоровья требовало постоянной заботы и рекомендаций. Прочитывала ли Ольга Сократовна ‘сквозь’ научные выкладки о вреде для нее холодной зимы, сырой осени, о жизненно необходимом ей теплом климате рассказ о действительном положении и состоянии Чернышевского? Вопрос по большей части риторический.

И здесь самое время вернуться к специфике непрямого говорения, особым образом выделив свойство, которое можно назвать ‘спасительностью’ непрямого говорения. Условность, опосредованность проявления прямого смысла высказывания в непрямом говорении позволяли дистанцироваться и тем самым абстрагироваться от безнадежной и безвыходной реальности жизни в ссылке (почти 25 лет жизни) и реальности отношений с женой, которые сложились так, как они сложились, задолго до Сибири. И, конечно, не случайно именно Италия оказалась референтом в этом тонком и сложном деле. С точки зрения семантической словесной оптики Италия предстала миражом, но с точки зрения смысловой оптики – преломляющей призмой, позволяющей эксплицировать совсем не миражный сюжет, исполненный драматизма.